Все новости Варненского района: www.sovselo.ru

«Советское село» №10 (9102) 15 марта 2025 года

А сапоги ещё послужат

История мужества. «Чтобы не стыдно было смотреть в глаза сыну», — внезапно проносится в голове у штурмовика с позывным «Внук», и он уводит беспилотники за собой

Михаил **ЯХИН**

Зима здесь совсем не такая, как дома. Тёплая, влажная, с грязью и слякотью вместо белых просторов. Редкие снегопады воспринимаются как праздник. На занятый российскими войсками город осторожно спускаются сумерки, укрывая разбомблённые дома, разворошенные дороги и небольшой блиндаж, один из многих, разбросанных по округе.

Внутри строения, тщательно укрытый, теплится желтоватый свет, оберегающий походный уют штурмовиков, несущих своё боевое дежурство. Кто-то из них разогревает тушёнку — приятный запах съестного тянется над битыми кирпичами, привлекая бродячих собак. И надо бы их отстреливать, чтобы не демаскировали укрытие, но не поднимается рука. Они ведь тоже жить хотят. Брошенные хозяевами, всё ещё тянутся к людям. Кого-то бойцы, несмотря на строгие нормы пайков, уже прикормили.

На нарах у выхода лежит молодой человек, среднего роста и телосложения, с живым, чуть насмешливым взглядом, и внимательнейшим образом рассматривает низкий потолок блиндажа. Это штурмовик с позывным «Внук». Надёжный и верный товарищ, местный массовик-затейник, душа компании. Бесстрашный, но не конфликтный, с обострённым чувством справедливости, всегда готовый и к застолью, и к бою.

Сегодня его отчего-то одолели назойливые ностальгические мысли. Вот уже почти год прошёл, как он воюет. А в феврале день рождения. Хорошо бы, чтобы до него из-за «ленточки» вывели. Супруге можно будет позвонить, успокоить; услышать радостный голос сына, взахлёб рассказывающего о своих детских радостях и горестях. Хороший парнишка растёт и до того на него похож… Повезло всё-таки с семьёй. Со многими ребятами жёны развелись, когда стало понятно, что СВО затянется, бросились устраивать свою судьбу, а его любят, ждут, примут любым, когда вернётся.

Размышляется медленно и лениво, но на сердце становится тепло, а голодные позывы утихают. Всё-таки его бездонная питомица подъела сегодня половину его дневной нормы. И ведь вывозили же эту суку к базе. Поближе к миру и к пищеблоку. Но нет, возвращается снова сюда, на войну. Может быть, где-то поблизости был её дом, и она всё ещё ждёт, когда семья вернётся.

И на фронте можно жить. Только тревога давит. Неизвестность. Знать бы, откуда прилетит, и на душе стало бы спокойнее. А так, вроде и жаловаться-то не на что: сослуживцы — проверенные ребята, это не первый их совместный выход.

> После непродолжительного спора в эфире боец уводит беспилотники за собой. Операторы врага азартны, и одинокая фигура, несущаяся среди развалин в ночи, пробуждает в них дух соревнования.

И прикроют, и помогут если что. И еду поставляют регулярно. Блиндаж — хороший: тёплый, сухой. Сам здоров. Не простыл, зубы в порядке. Ох, видел он, как люди здесь с зубами мучаются. Жуть. Что ещё нужно? И на фронт его никто не гнал — сам пошёл. Хотя мог бы остаться на «гражданке». Кто бы его упрекнул? Да и не ожидали, откровенно говоря, от него такого поступка. Наверное, он сам от себя не ожидал. Зачем? Ведь жизнь удалась. Успешный диджéй, по меркам своего города он хорошо зарабатывал. Композиции, составленные им, охотно брали, они звучали и на праздниках, и в клубах. Весельчак, балагур, тусовщик. Всегда пользовался успехом у прекрасных дам. Потом вот удачно женился. Было ли счастье? Было! Но и сомнения были. Что делает недостаточно. Что надо бы больше, чтобы что-то серьёзное. Важное. Настоящее. Стоящее.

Много знакомых ребят ушли. А кто-то уже и остался по ту сторону фронта. Навсегда. А он всё шутит, развлекает, смеётся. Музыку ставит. А пора бы заказывать. Не плыть по ласковому течению жизни, а решать самому! Вот и решил. Военкомат, учебка, штурмовой батальон. И даже не жалеет. Потому что тут всё по-другому. Остро. Искренне. Набело. Иначе начинаешь смотреть на жизнь. Уходит всё наносное, навязанное. И вот уже радуешься обычным вещам вроде спокойного сна, регулярной пищи, отсутствия болезней; ценишь и то, что имел, и что есть сейчас, а проблемы, оставшиеся там, в мирной жизни, кажутся ничтожными.

За людьми интересно наблюдать. Они быстро тут своё истинное нутро показывают. Те, кто с гнильцой, правда, надолго не задерживаются. Жестокое это место — война. Хотя многие поначалу ошибаются, он сам не исключение. И у него залёты бывали. И санкции к нему применялись. Случалось выпивать, хотя новобранцам сразу объяснили, как опасно утрачивать критическое мышление в условиях, близких к боевым. Потом своими глазами увидел, к чему приводит такой способ снятия стресса. И как отшептало.

Внуку хочется спать, приглушённые голоса ребят, ставших за этот год почти родными, убаюкивают, боец вздыхает, поворачивается на бок, отвернувшись от света к стене, прикрывает глаза, постепенно впадая в муторную полудрёму, сквозь которую ему всё мерещится голос жены, повторяющий: *«Уходить отсюда надо, немедленно уходить»*.

А ночь вместо отдыха приносит внезапный бой. Дроны атакуют российские позиции, разрушив блиндаж, в котором дежурили штурмовики. Большей части личного состава удаётся выбраться из-под завала, но беспилотники устраивают охоту на выживших людей. Наверное, операторам этих машин смерти кажется, что всё это не по-настоящему, словно в компьютерной игре. Бойцам нечего противопоставить механическим убийцам. Залегли; отстреливаются, переговариваются по портативным рациям, благо выходили в полной разгрузке; пытаются найти новое надёжное укрытие. И Внук пытается, ползёт к ближайшему подвалу, когда звук взрыва, казалось, разрывает голову пополам. В ушах тут же появляется пронзительный свист, а во рту вкус крови. Горячая жидкость заливает грудь и живот, но совсем не больно. Может быть, из-за того, что недавно проснулся, боец даже не сразу понимает, что он ранен, и серьёзно ранен. Вокруг стоны, крики, дым, мат. Невидимый командир раздаёт приказания. Хороший мужик — командир. Правильный. Тоже семейный, как и большинство здесь. Здорово было бы, если бы все вернулись. Чтобы он сам вернулся. Он обещал родным приложить для этого все усилия и приложит. А не получится, лучше уж погибнуть, борясь, чем трусливо истечь кровью под каким-нибудь камнем, даже не попытавшись. Чтобы не стыдно было смотреть в глаза сыну — внезапно проносится в голове.

Да, его шансы выжить невелики, но сейчас ещё ниже. Дроны находят выживших с помощью тепловизоров, сбрасывают боеприпас, добивают. А у самого Внука осталось не так много времени. Когда кровопотеря станет критической? Нужна медицинская помощь, а значит, спокойное место без стрельбы и взрывов. Хочешь сделать хорошо — сделай это сам. После непродолжительного спора в эфире боец уводит беспилотники за собой. Операторы врага азартны, и одинокая фигура, несущаяся среди развалин в ночи и пышущая теплом, да ещё имеющая наглость отстреливаться, пробуждает в них дух соревнования. Кто добьёт этого упрямого подранка? Бегущему штурмовику кажется, что супруга прямо за его спиной, незримо подталкивает, направляет. Он понимает, что, скорее всего, это бред, вызванный ранением, но всё равно благодарен ей за поддержку. Шансов немного, и с каждым мигом их становится всё меньше. Кровь пропитала штаны и хлюпает в обуви.

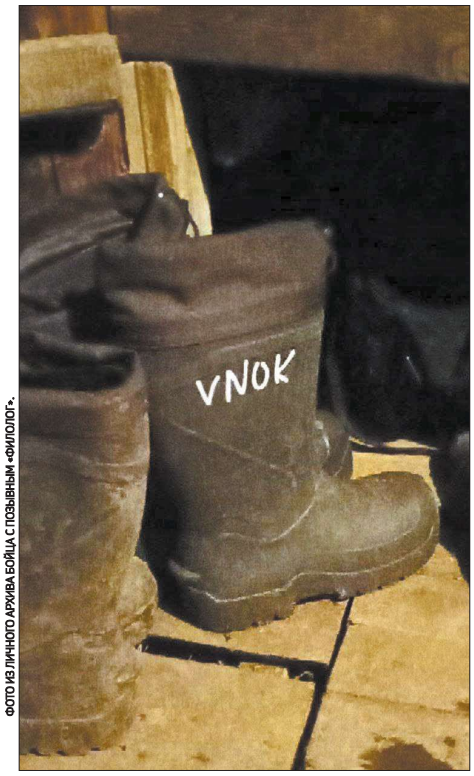

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА БОЙЦА С ПОЗЫВНЫМ «ФИЛОЛОГ».

▲ **Сапоги с пометкой «VNOK», которые действительно стали дежурными.**

Совершенно некстати вспоминается, что совсем недавно получил новые сапоги, а старые, разношенные, удобные, которые ещё с «гражданки», оставил на базе, там, за линией фронта, почти в безопасности. На них его метка «VNOK». Умник из другой смены ещё отметил, что позывной неправильно написан, что на латинице надо было две «О» поставить. Теперь дежурными будут, послужат ещё, подумалось вдруг.

> Тут всё по-другому. Остро. Искренне. Набело. Иначе начинаешь смотреть на жизнь. И вот уже радуешься обычным вещам вроде спокойного сна, регулярной пищи, а проблемы, оставшиеся там, в мирной жизни, кажутся ничтожными.

Командир, наплевав на все правила обмена сообщениями, срывая голос, орёт в «портативное средство связи»: *«Приём, Внук, как слышишь? Отходи! Приём! Отходи, все, кто выбрался, — в безопасности!»*

Лицо жены, усталое и пронзительно грустное, накладывается невесомым призраком на мечущиеся хищные силуэты оставшихся дронов, которые всё трудней выцеливать. Она тянется к нему, шепчет побелевшими губами: *«Вернись, мы ждём тебя, вернись, пожалуйста!»* И он очень хочет утешить её, сказать, что всё будет хорошо, что он обязательно вернётся. Но… не привык врать. Всякое между ними было, но он всегда был с ней честен. Только надо как-то покороче. И чтобы ответить разом — всем. И ей, и командиру, и ребятам. Чтобы они сразу поняли, почему он не может, очень хочет, но не может к ним вернуться. В груди хрипит и клокочет. Кто знает, сколько осталось у него слов? Совсем нет сил поднять руки. В глазах темнеет, окружающий пейзаж закатывается куда-то за горизонт, но назойливое жужжание беспилотников всё ещё беспокоит, вбиваясь в гаснущее сознание. И, понимая, что это конец, на ощупь подтягивая рацию, Внук всё-таки успевает ответить.

«…В течение всего боя (…) был на радиосвязи с командиром роты и другими бойцами. Последними словами его была фраза: «Я — двести», — выдержка из рапорта.

История, основанная на реальных событиях